

Диссертация Юзефа Иодковского из фондов Государственного исторического музея

ЕЛЕНА ГЛАЗУНОВА

Старший научный сотрудник
Государственного исторического
музея (г. Москва),
кандидат исторических наук

Юзеф Иодковский – археолог и нумизмат, основатель и первый директор Гродненского государственного историко-археологического музея. Судьба распорядилась так, что еще в годы обучения в Гродненской мужской гимназии он увлекся историей родного города благодаря преподавателю греческого языка и истории известному историку Гродно Евстафию Филаретовичу Орловскому. По некоторым данным тогда же он попал под влияние писательницы и общественной деятельницы Элизы Ожешко, благодаря чему оказался в кругу общения таких историков Польши, как З. Глогер, Ш. Ашкенази, А. Краусгар [1].

Знаковое событие в его биографии – поступление в Московский археологический институт. Это учебное заведение открылось в 1907 г. по образцу Петербургского археологического института. Инициаторами и реализаторами проекта стали бывший министр народного просвещения генерал-лейтенант Владимир Гаврилович Глазов и русский археограф, археолог, архивариус, искусствовед, историк и церковный историк приват-доцент Харьковского университета Александр Иванович Успенский, который и возглавил это учебное заведение.

Основание Московского археологического института явилось следствием распространения острого

интереса к археологическим изысканиям и отечественным древностям и стремления к историческому просвещению. На обучение принимались лица обоих полов с высшим образованием, которые в институте имели статус действительных слушателей. По усмотрению совета профессоров к учебе в качестве вольнослушателей допускались также выпускники средних учебных заведений. Курс обучения продолжался 3 года, в его программу входили: российская история, археология, этнография, геология, историческая география, славяно-русская и греческая палеография, нумизматика, сфрагистика, геральдика, эпиграфика, дипломатика и юридические древности, метрология, история византийского и русского искусства и архитектуры, русская литература и язык, архивоведение, генеалогия, библиотековедение, музееведение. Положение № 1 Московского археологического института провозглашало целью обучения не только подготовку специалистов по разным отраслям археологии и архивоведения (что было в Уставе Санкт-Петербургского института), но и «научную разработку археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами, равно как и подготовку специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках правительственных, общественных и частных» [2]. Таким образом, институт сочетал в себе черты научно-исследовательского учреждения и высшего учебного заведения, а государственная служба была одной из реальных перспектив будущих археологов и археографов.

Помимо лекций слушатели участвовали в осмотрах исторических памятников, архивов, музеев (как в России, так и за рубежом), вели самостоятельную архивно-изыскательскую работу, производили археологические раскопки. На третьем курсе они готовили диссертации. Действительные студенты, защитившие диссертацию, удостоивались званий «ученый археограф» или «ученый археолог» и зачислялись в действительные члены института; студенты из числа вольнослушателей допускались к защите диссертаций при «отличных познаниях» и зачислялись в члены – сотрудники института.

Первоначально Московскому археологическому институту была отведена часть здания Медведниковской гимназии, построенного в 1901–1903 гг. Здание сохранилось и находится по адресу: Староконюшеный переулок, д. 18, в нем и по сей день располагается Образовательный комплекс.

В здании Медведниковской гимназии и учился Юзеф Иодковский. Среди преподавателей института

были такие известные ученые, как Л.М. Савелов (читал генеалогию и археографию), С.И. Соболевский (вел занятия по греческой палеографии), А.И. Соболевский (преподавал русскую палеографию), В.А. Городцов (преподаватель археологии), В.М. Металлов (преподаватель церковно-певческой палеографии), Р.Ф. Брандт, И.В. Цветаев, В.К. Мальберг, А.И. Успенский, Н.Н. Фирсов, Н.И. Новосадский и другие.

Иерархия членов Московского археологического института была многоступенчатой: «...члены-учредители (подписавшие проект положения об институте); почетные члены, известные своими трудами в области археологии, оказавшие институту «особые услуги», жертвователи (не менее 5 тыс. руб. единовременно или по 500 руб. ежегодно); действительные члены, окончившие институт с защитой диссертации; члены-сотрудники, окончившие институт без защиты диссертации. Действительными членами и членами-сотрудниками могли стать также не обучавшиеся в институте, но «приобретшие известность своими научными трудами и познаниями в области археологии». Это была более «открытая», нежели в Петербургском археологическом институте, и не столь «парадная» коллегия. Наряду с членами царской фамилии, чиновниками высшего ранга, церковными иерархами в нее входило значительное число представителей ученого корпуса.

Постоянными пожертвованиями значительных денежных сумм покупали себе право на почетное членство в институте филантропствовавшие любители «русской старины» из среды крупной российской буржуазии – Н.И. Гучков, С.П. Рябушинский и другие...» [3].

С 1912 г. институт носил имя императора Николая II. В 1913 г. было принято решение о постройке нового здания, и институт получил новый адрес на Миусской площади (здание не сохранилось).

Юзеф Иодковский во время обучения продолжал писать научные статьи, которые были опубликованы в Варшаве, Вильно, Кракове, Москве*. Окончил институт с отличием по специальности «ученый археолог», защитив диплом «О литовской гривне в связи с вопросом о древнейших денежных единицах в Литве». Остался работать в институте лаборантом.

Диссертация (диплом) Иодковского хранится в фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея (Фонд личного происхождения. Ф. 431. Д. 99). Она представлена в мягкой обложке (содержит 33 страницы машинописного текста и титульный лист, оформленный каллиграфической надписью тушью: «Диссертация на звание ученого-археолога Ю. Иодковского действительного члена Общества Охраны древностей в Царстве Польском, члена-корреспондента Московского и

Краковского Нумизматических Обществ») и в виде медальона, подражающего монете Великого Княжества Литовского.

Еще один лист – с подписями преподавателей, которые читали работу (к сожалению, подписи не расшифрованы, помещены под заголовком: «Читали»). Последняя страница подписана самим диссертантом 8 апреля 1912 г. Все сноски и вставки на иностранных языках автором выполнены тушью.

Работа традиционно начинается с вопроса истории возникновения денежных единиц и понятий денежного обращения – гривна, куница, копа, грош. В целом исследование сосредоточено на сопоставлении различных денежных единиц и выявлении их весовых соотношений. Диссертант, сета на то, что «...настолько темен древнейший период литовской истории, что невольно мы должны обратиться ко временам, когда на восток Европейской равнины поднялось зарево татарского нашествия» (с. 21–22), пытается найти древнюю литовскую гривну.

Уже в начале работы прослеживается компетентность автора, что проявляется в его активной позиции и критике научных трудов по литовской нумизматике. На протяжении всего повествования автор эмоционально полемизирует с Адамом Киркором – исследователем литовских и белорусских древностей, с большим уважением отзывается о трудах Тадеуша Чацкого (польского публициста, историка, общественного, экономического и государственного деятеля и библиофила), активно использует письменные источники, хотя и отмечает недостаточную доступность материала. Работа изобилует цитатами из русских летописей, актов Литовской Метрики, польских грамот и грамот Ордена. Встречая в польских источниках XIII в. термины «белое серебро» и «гривна», когда речь идет о расчетах ятвягов, он не соглашается с Киркором, который видит «лишь копу национальной счетной единицей» (с. 5). В грамоте магистра меченосцев от 1233 г. Юзеф находит, вслед за Глогером, свидетельство о равенстве копы и гривны (с. 6). Однако констатирует, что найти вес древнейшей гривны, существовавшей до XIV в., не представляется возможным: рассматривая гривну в Литве как счетную единицу, приходит к выводу о том, что точное определение веса и частей определить нельзя из-за отсутствия письменных источников, которые, по его убеждению, существуют в Королевском Кенигсбергском и в других архивах тех стран, с которыми Литва имела торговые отношения (с. 14–15).

Иодковский в своей работе использует все доступные ему источники, в том числе и материалы кладов, подчеркивая исключительное их значение при определении истинного смысла письменных извещений. В связи с этим с сожалением отмечает недостаточное внимание к комплексам и отсутствие полного

* Список статей Ю. Иодковского за 1910–1912 гг.:

1. *Armaty polskie w Muzeum Artyleryjskim w Petersburgu* // *Pamiętki polskie na obczyźnie* / red. Fr. Puławskiego. – Warszawa, 1907–1910.
2. *Pieczęcie polskie w Muzeum Rumiancowskim w Moskwie* // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*. T. II. – Kraków, 1910.
3. *Pieczęcie wileńskie w Muzeum Rumiancowskim w Moskwie* // *Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie*. 1909. – Wilno, 1910.
4. *Dukat gdański Stefana Batorego z 1578 r.* // *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne*. – T. III. – Kraków, 1911.
5. *Okolice Grodna pod względem archeologicznym: notatki z wycieczek odbytych w latach 1904–1910* // *Światowit*. – Warszawa, 1912.
6. *Z dziejów mennicy wileńskiej* // *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne*. – T. IV. – Kraków, 1912.
7. *Война с фресками* // *Русское слово*. – М., 1912.
8. *Сообщение о Сыновичской церкви* // *Древности: Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества*. – Т. IV. – М., 1912.

описания. «Изученных и описанных кладов мы знаем так мало, что, действительно, можно было бы думать об отсутствии денежных единиц в отдаленном прошлом Литвы» (с. 15). Лишь вскользь упоминая о древнейших кладах римских, греческих и арабских монет, он довольно подробно останавливается на описании клада 1851 г., найденного в окрестностях Минска (с. 16), констатируя, что иностранная монета играла большую роль почти до конца XV в. – до усовершенствования монетной чеканки в Вильно. Однако предполагает, что начало чеканки монет в Литве нужно отнести к XIII в. (с. 18) (таблица).

Автор пытается анализировать также три клада, содержащие серебряные слитки.

1. Конец XVIII в., Вилькомир, имение Коссаковский-Войтунки: несколько слитков. Имеются клейма в виде всадника и граффити. Тип и вес неизвестен.

2. Середина XIX в., Ковенская губерния, имение Велен: несколько слитков с зарубками – от 3 до 6. Вес неизвестен.

3. 1885 г., Бужиски, Бельский уезд Гродненской губернии – 5 гривен.

Упоминание этих кладов для Иодковского имеет в основном фактическое значение, так как автор не смог обобщить данные из-за их неполноты. Он останавливается более подробно на кладах из деревни Бужиски, так как имел описание слитков, сделанное А.В. Орешниковым, у которого была возможность лично работать с кладом при поступлении его в Императорский российский исторический музей в Москве. Иодковский ошибочно вслед за А.И. Черепниним сравнивает весовые данные слитков из деревни Бужиски с весом русских гривен и рублей XIV–XV вв. Если доверять описанию первых двух кладов, слитки из Вилькомира и имени Велен, имеющие клейма и зарубки, имеют отношение к устойчивым платежным единицам XIII–XV вв., слитки же из деревни Бужиски на самом деле имеют более раннюю дату происхождения.

«В 1885 году 23 февраля на улице д. Бужиски Бельского у. Гродненской губ. кабан вырыл клад в горшке красного цвета. В состав клада входили:

1) Гривны монетные серебряные – 5, в виде коротких толстых палочек; у двух оба конца расплющены; у трех – один конец расплющен, другой закруглен. Вес – от 76,78 до 183,95 г (Орешников, V, 16–20). Табл. XX, 1–5.

2) Гривны шейные серебряные – 8 (из них одна в двух кусках):

а) гривна витая полая, утолщающаяся к середине; концы пластинчатые, широкие, украшенные гравировкой (треугольники и ромбы). Один конец закручен в трубочку; на обоих концах – дырочки для шнура;

б) гривны витые – 2, из четырех пар скрученных дротов. Концы пластинчатые (у одной маленькой гривны обломаны), заканчивающиеся трубочками, возле которых – дырочки для шнура;

в) гривны из двух или трех дротов – 5 (одна – в двух фрагментах), согнутые в полтора и два оборота. Концы пластинчатые, в виде широких лопастей; у одной гривны концы закручены в трубочки; у другой оба конца обломаны. Все сохранившиеся наконечники украшены пунсонным орнаментом.

...Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Московский исторический музей» [4].

Подобные типы шейных гривен довольно широко распространены, появляются во второй половине XI в. и бытуют на протяжении всего XII в. Слитки же принадлежат к группе «без фиксированного веса и формы». При неустойчивой метрологии данная группа, несомненно, выступает прототипом эллипсоидных слитков черниговского типа. По заключению ведущего научного сотрудника отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Р.С. Минасяна, специалиста в области средневековых технологий металлообработки, черниговские, впрочем как и киевские, слитки отличаются от других типов технологически. Согласно выводам исследователя, в отличие от слитков новгородского типа, которые выливались в подогретую форму, черниговские отливались в форме-тигле непосредственно в горне [5]. Имея характерные каверны на внешней поверхности (пузырение), они отличаются более низкой внутренней пористостью, что позволяло ювелирам получать хороший листовой металл или проволоку. Иными словами, изготовление слитков черниговского типа первоначально было ориентировано на сырьевой ювелирный рынок и лишь потом они приобрели платежные функции.

Это один из самых загадочных типов платежных слитков, который до сих пор вызывает споры даже по поводу своего названия. Так, доктор исторических наук Н.Ф. Котляр, специалист по истории фео-

Таблица

Состав клада 1851 г., Минск (по Иодковскому)

Польские	Чешские	Немецкие	
3 – с крестом	1 – Болеслава	67 – Оттона и Аделаиды	1 – Генриха I
		11 – Карла из Метца	3 – базилийские Конрада
		1 – Генриха I из Вердуна	1 – цюрихский
		1 – Оттона III из Люттиха	5 – ратисбонские (3 – Оттона и 2 – Генриха III)
		19 – Кельтских Оттонов	2 – Генриха I
		118 1/2 – Могунцких Оттонов	1 – квидленбургский
		1 – Оттона Швабского	1 – датский полубрактеат
		1 – Оттона из Констанции	1 – византийский Иоанна
		7 – Страсбургских Оттона	Земискеца
		3 – епископа Еркамбольда	96 – арабских до 979 г.
		1 – аугсбургский Ульриха	

дальной Руси и русской нумизматике, настаивал на замене термина на «северорусские» [6].

Последнее исследование принадлежит А. Комару – научному сотруднику Института археологии Национальной академии наук Украины. В статье «Платежные слитки черниговского типа», опубликованной в Москве в сборнике 2015 г. «Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова» их бытование вполне аргументированно разделено на три периода:

- первая пол. XI в. Метрологически нестабильные «палочковидные» слитки и их фрагменты;
- середина XI в. Появление «палочковидных» прокованных слитков стандарта новгородской гривны серебра или ее половины, а также неметрологических слитков с раскованными концами – прототипов слитков черниговского типа, при преобладании в обращении слитков без фиксированного веса;
- конец XI в. Начало хождения слитков черниговского типа при сохранении оборота «палочковидных» прокованных слитков «северного» веса [7].

Слитки из клада, найденного в деревне Бужиски, относятся ко второму периоду – ко второй половине XI в., этой же датировке не противоречит и вещевой материал из комплекса.

Денежно-вещевые клады не накопительные, их происхождение связано с серьезными потрясениями в жизни их хозяев – этот комплекс имеет непосредственное отношение к истории земель, населенных ятвягами, вблизи границ с киевскими землями.

В 1885 г. клад поступил в Императорский российский исторический музей из Археологической комиссии, однако, к сожалению, в настоящее время в коллекции Государственного исторического музея числятся лишь 6 шейных гривен, которые хранятся в отделе археологических памятников. 20 мая 1955 г. все слитки и 2 шейные гривны были исключены по ордеру № 580.

Таким образом, полемизируя с А. Киркором, который считал, что в Литве по древнему обычаю считали на копы, а гривна, хоть и была известна, не

имела большого значения, Юзеф Иодковский в своем дипломе предпринял попытку выяснить, что собой представляет древняя литовская гривна как весовая и денежная единица, привлекая письменные источники и немногочисленный вещевой (кладовый) материал. Наиболее информативная часть работы – это анализ письменных источников значительного промежутка времени и соотнесение весовых и счетных показателей различных денежных единиц, таких как копа, рубль, грош. В заключительной части диплома Иодковский рассматривал замену литовской гривны русским рублем и соотношение рубля и грошей в счетном и весовом отношениях.

Анализируя полученные весовые данные, он не нашел отражения в имеющихся в его распоряжении вещественных памятниках, однако письменные источники убеждали его в существовании древнейшей гривны в Литве в XIII в. Сведения о перерасчетах в гривну привели автора диплома к выводу о том, что речь идет о счетном понятии, а слитки, описанные Киркором и Орешниковым, являются ничем иным, как гривной, которую вытеснил в XIV в. пришедший с востока рубль.

Однако, судя по скудному описанию слитков, два клада из них относятся к более позднему периоду бытования гривны-рубля. Вероятнее всего, второй клад относится к XIII в., а первый и вовсе к концу XIV в. – началу XV в. А вот клад, найденный в деревне Бужиски, действительно является ранним кладом (времен «безмонетного периода») и имеет в своем составе слитки, относящиеся к группе так называемых слитков «без определенных форм и весов» («без фиксированного веса»), которые явились прототипом слитков черниговского типа. К сожалению, об их этнической принадлежности мы сказать ничего не можем, хотя ювелирные украшения, входящие в состав клада, характерны для славянских племен, населявших западные земли восточных славян.

Диплом Ю. Иодковского представляет собой качественный образец научного творчества студента Московского археологического института начала XX в.

Список использованной литературы:

1. Какареко, В.И. Юзеф Иодковский: музейщик и нумизмат / В.И. Какареко // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 7 (спецвыпуск). – С. 22.
2. Положение о Московском археологическом институте, § 1–3 ПСЗ. Т. 27. – № 28844. Собрание узаконений. 1907. 20 февраля. Отд. I. Ст. 414.
3. Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А.Е. Иванов. – М., 1991. – С. 128.
4. Корзухина, Г.Ф. Русские клады / Г.Ф. Корзухина. – М., 1954. – С. 95. – № 43.
5. Минасян, Р.С. Способы изготовления платежных слитков / Р.С. Минасян // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1994. – № 9. – С. 170–171.
6. Котляр, Н.Ф. Северорусские («черниговские») монетные гривны / Н.Ф. Котляр // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1996. – С. 80–142.
7. Комар, А. Платежные слитки черниговского типа / А. Комар // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. – М., 2015. – С. 539.